

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

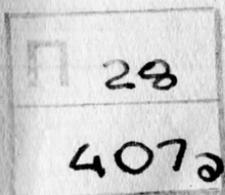
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
СТАЛИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
им. А. С. Серафимовича**

Выпуск 8

СТАЛИНГРАД
1957

а

*Авторский коллектив посвящает 40-й годовщине
Великой Октябрьской социалистической революции*

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
СТАЛИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
им. А. С. Серафимовича**

Выпуск 8

КАФЕДРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ НАУК

Редакционная коллегия: доцент Б. Ф. РАЙСКИЙ (ответственный редактор), профессор Г. С. МАРКОВ, доцент Н. И. ЗОРИН, доцент М. Я. БРОМБЕРГ, доцент В. А. КОЗЮЧЕНКО, доцент З. А. ПОТИХА.

**СТАЛИНГРАД
1957**

Н. И. ЗОРИН,
доцент, кандидат философских наук

ПРОБЛЕМА НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ В ПОНИМАНИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА (1883—1903 гг.)

В истории российского и международного рабочего движения, в истории философской и общественно-политической мысли России и Западной Европы конца XIX и начала XX века Г. В. Плеханову бесспорно принадлежит одно из самых выдающихся мест. Он принадлежит к числу тех людей, деятельность которых накладывает неизгладимый отпечаток на целую историческую эпоху, воплощает лучшие прогрессивные стороны народной культуры своей страны, национальные достоинства русского народа. Основатель Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире пролетарского государства великий Ленин в своей статье «Критические заметки по национальному вопросу» писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»¹⁾.

Плеханов был крупнейшим первоучителем марксизма в России, основателем первой русской марксистской организации, талантливым борцом за научное материалистическое мировоззрение против немарксистских течений.

Плеханов широко известен всему прогрессивному человечеству, как автор целого ряда выдающихся марксистских философских произведений, написанных в превосходном стиле, с блестящим полемическим искусством, насыщенных конкретным фактическим материалом из самых различных отраслей научного знания, в особенности гуманитарного знания. Его лучшие марксистские труды, на которых воспитывалось не одно поколение пролетарских революционеров, и в наше время являются острым оружием в руках Коммунистической партии Советского Союза и братских партий в борьбе против растленной буржуазной идеологии, за единство рабочего класса, за светлые идеалы коммунизма.

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16.

В трудах В. И. Ленина уделяется большое внимание всей теоретической, литературной и политической деятельности Плеханова, при этом Ленин к оценке его деятельности подходил строго исторически, в ее эволюции.

Деятельность Плеханова делится на три периода: первый период с 1876 по 1882 год, второй — с 1883 по 1903 год, третий — с 1903 по 1918 год. Второй период был наиболее важным, продуктивным и творческим в его деятельности. В этот период, по словам Ленина, Плеханов, будучи революционером-марксистом, дал массу превосходных сочинений, особенно против народников, «легальных марксистов», «экономистов» и других недругов марксизма. В течение 20 лет Плеханов теоретически обосновывал и боролся за создание социал-демократической рабочей партии в России; вместе с Лениным он создавал и редактировал до 1 сентября 1903 года «Искру», вместе с Лениным вел непримиримую борьбу против международного оппортунизма, ревизионизма.

Характеризуя роль Плеханова в борьбе против международного ревизионизма, Ленин в своей статье «Марксизм и ревизионизм» подчеркивал, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику с точки зрения последовательного диалектического материализма тех невероятных пошлостей, которые наговорили ревизионисты, был Плеханов.

Третий период деятельности Плеханова, неразрывно связанный с переходом его в лагерь меньшевизма, характеризуется В. И. Лениным как отход от важнейших политических вопросов марксизма в сторону оппортунизма. Меньшевистскую позицию Плеханов занял в период революции 1905—1907 гг., когда давал неправильную оценку характера и движущих сил этой революции, осуждал декабрьское вооруженное восстание. В годы первой мировой войны Плеханов скатился на позиции социал-шовинизма, а в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции не сумел разобраться в исторической обстановке, выступил против ленинского курса на социалистическую революцию, не принял победу Великого Октября, так как считал эту победу «нарушением» исторической законосообразности.

Политический оппортунизм Плеханова в вопросах стратегии и тактики в 1903—1917 гг. явился прежде всего результатом непонимания им характера новой эпохи, как эпохи империализма и пролетарских революций, непонимания союза пролетариата с крестьянством и руководящей роли пролетариата как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революциях. Слабой стороной в деятельности Г. В. Плеханова было неумение творчески применить марксизм в новой исторической обстановке.

Важно учесть, что после победы Октября Плеханов, в от-

личие от других меньшевиков, отказался от активной борьбы против советской власти, он считал для себя невозможным выступать против российского пролетариата, которому честно служил многие годы.

Когда Украинская Рада (контрреволюционное правительство Украины) предложила Плеханову пост министра, он категорически отказался, заявив при этом: «...сорок лет своей жизни я отдал делу рабочих, и теперь мне предлагают стрелять в рабочих. Нет, стрелять в рабочих я не буду».

Отход Плеханова после II съезда РСДРП к меньшевизму в политике в известной мере сказался на его теоретических позициях.

В философских произведениях Плеханова, написанных во второй период, Ленин отмечал целый ряд серьезных ошибок, идущих по линии агностицизма и догматизма, идеализма и метафизики, эклектики и софистики. Однако и для этого периода деятельности Плеханова, по словам В. И. Ленина, характерным было отличие его философских идей от вредных тактических и стратегических установок.

«Тактика его, — писал Ленин о Плеханове, — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело»¹⁾.

Ту мысль, что Плеханов в философии отстаивает правое дело, что его философские произведения, в первую очередь относящиеся к 1883—1903 гг., являются лучшими во всей международной марксистской литературе, Ленин высказывал неоднократно как при жизни Плеханова, так и после его кончины. В 1921 году, когда Плеханова не было уже в живых, Ленин дал такой совет об использовании философского наследия Плеханова: «...Уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии...»²⁾

При этом Ленин указал, что философские произведения Плеханова должны войти в серию общефилософских учебников коммунизма, что рабочему государству необходимо требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание.

А между тем до самого последнего времени эти ленинские указания были почти забыты. Ничем не оправданное нигилистическое отношение к философскому наследству Плеханова нередко встречалось как в монографической, так и в периодической философской литературе, а равным образом и в педагогической практике. Его философские сочинения, из которых многие стали библиографической редкостью, чаще огуль-

¹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 332.

²⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 73.

но критиковались, чем изучались. Это во многом связано с тем, что в «Кратком курсе истории ВКП(б)» были обойдены важнейшие ленинские оценки деятельности Плеханова, в частности, оценки его талантливой борьбы против русского и международного философского ревизионизма за философию марксизма — диалектический и исторический материализм.

Задача советской науки состоит в том, чтобы, руководствуясь указаниями Коммунистической партии, великого Ленина, по достоинству оценить огромное теоретическое наследие Плеханова, объективно показать его сильные и слабые стороны. В этой связи нельзя не приветствовать инициативу Института философии Академии наук СССР, осуществляющего в настоящее время пятитомное издание важнейших философских произведений выдающегося сына русского народа, блестящего защитника и пламенного пропагандиста марксистского мировоззрения Г. В. Плеханова.

В предлагаемой статье автор делает попытку проанализировать понимание Г. В. Плехановым полярных философских категорий — необходимости и случайности. Эта важная сторона философского наследия Плеханова совершенно не освещена в литературе.

В ряду многочисленных произведений Г. В. Плеханова нет специальных работ, посвященных анализу соотношения необходимости и случайности в развитии объективного мира. Однако это вовсе не означает, что Плеханов прошел мимо этой проблемы. Наоборот, он неоднократно, как увидим ниже, рассматривает ее в различных своих сочинениях: то в связи с критическим разбором взглядов французских материалистов XVIII века, то в связи с анализом воззрений социалистов-утопистов 20-х годов XIX века, то в связи с беспощадной критикой субъективно-идеалистической концепции русских народников, то в связи с разоблачением ревизионистской сущности бернштейнианства и т. д.

Необходимости и случайности, преимущественно в общественной форме движения материи, Плеханов касается в таких своих работах, как «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891), «Н. Г. Чернышевский» (1894), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «Белинский и разумная действительность» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), «Гром не из тучи» (1901), «Предисловие к переводу «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса» (1902), «Карл Маркс» (1903) и др.

В этих произведениях, написанных в революционный период своей деятельности, воинствующий материалист Плеханов с

марксистских позиций рассматривает взаимоотношение необходимости или, как он говорит, законосообразности и случайности. Великую заслугу марксизма, кроме всего прочего, Плеханов видит в том, что он за массой случайностей вскрыл законосообразность в историческом процессе. «Можно без преувеличения сказать, — пишет Плеханов, — что мы обязаны ему (т. е. марксизму — Н. З.) пониманием истории человечества, как за кономерного процесса»¹). Маркс распространил материализм на область общественных явлений и тем самым идеализм был изгнан навсегда из этого его убежища. Нельзя, говорит Плеханов, указать ни одного примера исторической концепции, которая могла бы сколько-нибудь сравниться с концепцией Карла Маркса. Материалистическое понимание истории дало возможность Марксу вывести нас из заколдованного круга хаоса случайностей, указать нам верный путь научного исследования исторической законосообразности, покончить с утопизмом в социалистических учениях и строго научно обосновать социализм.

По верной мысли Плеханова, ошибка метафизиков, в частности, французских материалистов XVIII века в лице Гельвеция и Гольбаха, состояла в том, что они, вместо того, чтобы стараться найти закономерность в окружающем нас мире, пытались представить его как совокупность ряда более или менее счастливо сложившихся случайностей.

Упрек, сделанный Гельвецием Монтескье за то, что последний «недостаточно оценил значение счастливых случайностей», Плеханов считает весьма характерным для французских материалистов в целом. В этой связи следует особо остановиться на анализе соображений Плеханова по поводу позиции Гольбаха в вопросе о необходимости и случайности.

Если ошибка Гельвеция, по Плеханову, состояла в том, что он вместо закономерности, необходимости видел в общественном развитии только ряд случайностей, то ошибка Гольбаха заключалась в признании только одной голой, непосредственной необходимости и отрицании случайности.

Гольбах в своем основном философском произведении «Система природы» правильно утверждал, что в объективном мире нет таких процессов, предметов или событий, которые не имели бы своей причины. Но отсюда он заключал, что все наблюдаемые нами явления необходимы и ничто не может быть иначе, чем оно есть.

Случайным же по Гольбаху называют то, причина возникновения чего неизвестна. «...Мы пользуемся словом случ а й, чтобы приккрыть наше незнание реальной причины, производящей наблюдаемые нами явления»²).

Для пояснения всех этих общих положений Гольбах приво-

¹) Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 129.

²) П. Гольбах. Система природы, 1940, стр. 56.

дит целый ряд примеров. Вот один из них. В вихре пыли, поднятом ветром, как бы он нам ни казался хаотичным, нет ни одной молекулы пыли, которая расположена случ а йно, которая не имеет своей достаточной причины, чтобы занимать то место, где она находится, и которая не действует строго тем способом, каким она должна действовать. Гольбах был уверен, что ни одна мысль любого лица, так или иначе задетого крупным общественным событием, не является случайной.

Таким образом, Гольбах трактовал проблему необходимости и случайности в духе метафизического, механистического детерминизма, согласно которому в природе и обществе все только необходимо. А случайность, по ошибочному мнению Гольбаха, — это лишенное смысла слово, которое свидетельствует лишь о незнании причин. Расширение и углубление человеческих знаний, учил он, раскрывает истинные причины предметов, вещей, явлений, и то, что казалось случайным, предстает перед людьми как необходимое.

Итак, если всякое движение каждой молекулы в вихре пыли строго определено и не может быть иным, то место закономерностей природы и общества фактически занимает хаос случайностей. Тезис о необходимости всего при таком понимании превращается в тезис о случайности всего. Вот почему Плеханов справедливо подчеркивает полную неприемлемость метафизического детерминизма в решении вопроса о взаимоотношениях между законосообразностью, необходимостью и случайностью.

«Гольбах говорит о бесчисленных последствиях, какие может иметь для судеб государства движение одного-единственного атома в мозгу деспота, — пишет Плеханов. — Детерминизм «философов» не шел дальше в понимании роли необходимости в истории, поэтому для них историческое развитие было подчинено случ а йности, этой разменной монете не о б х о д и м о с т и»¹).

Будучи убежденным материалистом, диалектиком, Плеханов здесь же указывает, что необходимость и случайность должны быть поняты в их диалектическом взаимоотношении, но не как две метафизически противоположаемые друг другу философские категории. Он отмечает, что метафизическое понимание общественной законосообразности неизбежно приводило французских материалистов XVIII века к погоне за «счастливой случайностью».

Исследуя общественную жизнь, французские материалисты объясняли все развитие человеческого общества идейными мотивами. Отсюда субъективно-идеалистическая формула, выдвинутая французскими материалистами: «Мнения правят миром», т. е. общественными отношениями людей. Они учили, что общественная среда обуславливает взгляды людей. Но са-

¹) Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 187—188.

ма среда зависит от законов, законы — от законодателя, деятельность же законодателя — от совершенства его разума.

Таким образом получалось, что в общественной жизни все зависит в конце концов от просвещенного законодателя. Поэтому, по словам Плеханова, «они и уловляли законодателей». Но те же философы хорошо знали, что характеры, нравы и взгляды человека зависят от воспитания, а воспитание не располагало «просвещенных законодателей» к усвоению демократических учений; французские материалисты не могли не сознавать, как мало надежды на законодателей. Оставалось надеяться на слепую случайность: авось явится же когда-нибудь и согласный с философами «просвещенный законодатель», который сделает все, что предписывает разум. Отсюда погоня французских материалистов за счастливой случайностью в лице «просвещенного законодателя».

«Субъективно-идеалистический взгляд на историю («мнения правят миром»), — пишет Плеханов, — по-видимому отводящий такое широкое место свободе человека, на самом деле представляет его игрушкой случайности. Вот почему этот взгляд в сущности очень безотраден»¹⁾.

В своих работах, посвященных великому русскому революционеру-демократу XIX века Н. Г. Чернышевскому, Плеханов не раз касается его взглядов на соотношение необходимости и случайности. Чернышевский, по мысли Плеханова, внес значительный вклад в обоснование и развитие материалистического детерминизма. Чернышевский исходил из того, что все явления в материальном мире причинно обусловлены, детерминированы, развиваются на основе объективных законов и подчинены исторической необходимости. Он рассматривал случайность, как объективно существующую в самой действительности.

Чернышевский, по мнению Плеханова, правильно считал, что необходимость и случайность по своему содержанию являются объективными философскими категориями, что между этими категориями существует тесная связь. Однако Чернышевский все же не дал научного решения вопроса о соотношении между необходимостью и случайностью, не сумел обнаружить за поверхностью случайностей действие исторической необходимости в развитии объективного мира. Чернышевский, как и все другие философы и социологи домарксовского периода, оставался идеалистом в объяснении явлений общественной жизни. Он подчас отводил случайностям слишком широкое поле деятельности, явно переоценивал их.

Рассматривая исторические взгляды Чернышевского, Плеханов видит их недостаток именно в преувеличенной оценке роли случайностей в общественном развитии. Вот что говорит он о Чернышевском на этот счет:

¹⁾ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, стр. 102.

«...В исторических взглядах нашего автора отводится чрезвычайно широкое место случайности. Можно сказать, что все направление западноевропейской истории в продолжении 14 веков, последовавших за падением Римской империи, определилось, по его мнению, одной колоссальной случайностью или, как выражается он в другом месте, геологической катастрофой: нашествием варваров»¹⁾.

Таким образом, Плеханов считает ошибкой французских материалистов XVIII в., в частности, Гельвеция, Гольбаха и Чернышевского, их непонимание диалектической взаимосвязи необходимости и случайности.

* * *

Проблема необходимости и случайности привлекла к себе внимание Плеханова в период борьбы против субъективно-идеалистической социологии народников. Как известно, народники отрицали историческую необходимость развития капитализма в России и его возникновение считали «чисто случайным» явлением. Отсюда они делали политически очень вредный для революционного движения России вывод, что и пролетариат в России — «чисто случайное» явление. Значит, надо было, по мнению народников, ориентироваться не на пролетариат, а на крестьянство, на сельскую общину, как основную силу в социальном преобразовании России.

В противовес народникам, Плеханов исторически первым из русских марксистов на основе обобщения огромного фактического материала неопровержимо доказал, что Россия не случайно, а в силу исторической необходимости уже вступила на путь капиталистического развития и что нет такой другой силы, которая могла бы свернуть ее с этого пути.

Поэтому задача, по Плеханову, состоит не в том, чтобы искусственно задерживать это развитие, а в том, чтобы опереться на ту мощную революционную силу, которая им закономерно порождается, — на промышленный пролетариат. Пролетариат, пишет он, это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие.

Исходя из правильно понятых потребностей общественного развития, Плеханов в борьбе с народничеством впервые в истории русского освободительного движения приступил к разработке теории и тактики социал-демократии, обосновал необходимость создания рабочей социал-демократической партии в России и завоевания политической свободы.

Плеханов вел упорную борьбу против субъективизма народников, которые считали, что их идеалы, желания являются силой, способной повернуть развитие России вспять, с капиталистического пути. Субъективный социолог, говорит он, привык «подставлять» на место объективной исторической зако-

¹⁾ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 273.

номерности свою собственную волю и произвол и потому для него не остается другого выхода, как уповать на случайность в осуществлении этой программы. Напротив, марксисты, подчеркивает Плеханов, строят свою программу, основываясь на познании законов развития общественной жизни.

«Для нас, — пишет Плеханов в противоположность народникам, — желательное вырастает из необходимого и ни в каком случае не заменяет его в наших рассуждениях. Для нас свобода личности заключается в знании законов природы, — т. е., между прочим, и истории... Мы убеждены, что когда «общество ступило на след естественного закона своего движения, оно не может не перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их декретами», но оно может сократить и облегчить мучение родов»¹⁾.

Таким образом, Плеханов с марксистских позиций доказал научную несостоятельность субъективно-социологической школы Лаврова и др. и в рассматриваемом нами вопросе.

В своем замечательном произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), на котором, по оценке В. И. Ленина, воспитывалось целое поколение русских марксистов, Плеханов подверг резкой и остроумной критике либеральных народников 90-х годов в лице их главного представителя Михайловского. Михайловский «Ахил субъективной школы народников», как его называет Плеханов, считал, что никакой объективной закономерности, исторической необходимости в общественной жизни нет, что развитие исторического процесса можно повернуть в любую сторону в зависимости от случайной, произвольной прихоти и желания отдельных выдающихся государственных деятелей. Отсюда следует, по мнению Михайловского, что можно не допустить капиталистического развития русской экономики и т. д.

Плеханов разбил этот вредный и ошибочный взгляд и доказал, что капиталистические производственные отношения в России появились вовсе не по случайным прихотям отдельных государственных деятелей, а как историческая закономерность, необходимость, обусловленная развитием производственных сил общества. История общества, следовательно, не хаотическое скопление случайностей, а естественно-исторический процесс. Именно поэтому марксисты в своей борьбе за коренные интересы пролетариата не полагаются на случайности. Напротив, они стремятся познать прежде всего закономерность, историческую необходимость общественного развития и использовать ее на пользу рабочего класса.

При рассмотрении вопроса о соотношении необходимости и случайности Плеханов в своих работах неоднократно подчеркивает заслугу крупнейшего немецкого философа конца XVIII

1) Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 113.

и начала XIX века Гегеля. Это понятно, ведь Гегель впервые в истории философии в домарксовский период высказал мысль о диалектическом единстве необходимости и случайности, и тем самым нанес огромной силы удар метафизическому пониманию соотношения этих философских категорий.

Критикуя метафизиков-детерминистов, отрицавших объективное существование случайности, Гегель заявлял, что случайность существует, что она находит себе в природе «свободное поприще» и поэтому неверно говорить, что события могут происходить в природе только так и не иначе.

Гегель рассматривал случайность, как нечто такое, что может быть и может не быть, может быть таким, а также другим. Случайность есть лишь оболочка, под которой скрывается необходимость. Поэтому задача науки и в особенности философии, подчеркивал Гегель в «Науке логики», состоит в том, «чтобы познать необходимость, скрытую под видимостью случайности»¹⁾.

Так Гегель преодолевал метафизический разрыв между необходимостью и случайностью, который существовал в старом детерминизме.

За диалектический подход к проблеме необходимости и случайности Плеханов высоко ценил Гегеля. Он обстоятельно доказывал, что необходимо в понимании Гегеля опнью не исключает случайное, наоборот, случайное содержится в необходимом. Случайное является одной из форм проявления необходимого, ибо необходимое не существует в чистом виде без тех или иных случайных моментов. Плеханов с марксистских позиций высоко оценивал это диалектическое положение Гегеля, в частности при рассмотрении его философии истории.

Плеханов останавливается на гегелевском анализе причин падения Римской империи и смены ее республикой. Он показывает, что Гегель, отвечая на вопрос, почему империя сменила республику, не довольствуется случайными причинами, ссылаясь на то, что у Цезаря было больше военного таланта, чем у Помпея, что Кассий и Брут наделали ошибок, что очень ловок и хитер был Октавий и т. д. По мнению Гегеля, пишет Г. В. Плеханов, «случайность есть лишь оболочка, под которой скрывается необходимость. Конечно, и понятие о необходимости можно истолковать очень поверхностно; можно сказать, что падение Римской республики сделалось необходимым потому и только потому, что Цезарь победил Помпея. Но у Гегеля это понятие имело другой, несравненно более глубокий смысл. Когда он называл данное общественное явление необходимым, то у него это значило, что оно подготовлено всем предыдущим ходом развития той страны, в которой оно совершается»²⁾.

1) Гегель, Соч., т. I, 1930, стр. 245.

2) Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 362.

О глубоком диалектическом понимании Гегелем взаимосвязи необходимости и случайности Плеханов говорит также в своей статье «Белинский и разумная действительность» в связи с анализом знаменитой гегелевской формулы «все действительное — разумно; все разумное — действительно». «Гегель говорил, правда, что во всем конечном есть элемент случайности...— пишет Плеханов, — но по смыслу его философии случайность встречается лишь в точке пересечения нескольких необходимых процессов. Поэтому принимаемое им (и совершенно правильное) понятие о случайности совсем не мешает научному объяснению явлений: чтобы понять данную случайность, надо уметь найти удовлетворительное объяснение по крайней мере двух необходимых процессов»¹⁾.

Здесь следует правильное понимание вопроса о том, как определить: необходим тот или иной процесс, то или иное явление или нет?

Чтобы ответить на этот вопрос надо, по мысли Плеханова, найти главные, внутренние, существенно важные причины этих процессов, событий. В этой связи он приводит пример с падением старых, феодальных порядков во Франции конца XVIII века. Если мы будем считать, что старые порядки во Франции пали вследствие случайной неудачи побега королевской семьи или вследствие того, что феодальная верхушка не сумела спасти жизнь королю, то мы признаем, что раз не удался этот побег и жизнь короля не была спасена, падение старых порядков сделалось необходимым. Плеханов показывает, что в этом примере хотя и указаны причины, но необходимость данного события осталась нераскрытой. Необходимость здесь понимается поверхностно, грубо. «Понимаемая таким вульгарным и поверхностным образом необходимость, — пишет Плеханов в статье «Белинский и разумная действительность», — есть лишь обратная сторона случайности. У Гегеля она имела другое значение. Когда он говорил, что данное общественное явление необходимо, это значило, что оно подготовлено внутренним развитием той страны, в которой оно совершается»²⁾.

Плеханов указывает на главную причину неизбежной гибели старых, феодальных порядков во Франции конца XVIII века. Он видит ее в характере общественных отношений того времени, в состоянии производительных сил, дальнейшее развитие которых требовало замены феодальных производственных отношений капиталистическими.

Давая высокую оценку гегелевскому пониманию вопроса о взаимоотношении между необходимостью и случайностью, Плеханов вместе с тем показал, что Гегель рассматривал этот вопрос, как и все другие проблемы философии, на общей ос-

¹⁾ Г. В. Плеханов. Соч. т. X, стр. 241.

²⁾ Там же, стр. 242.

нове абсолютного идеализма. Об этом Плеханов говорит в целом ряде своих работ и, в частности, в статьях «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Белинский и разумная действительность». В этих статьях Плеханов развивает ту мысль, что по Гегелю необходимость и случайность как философские категории не являются отражением материального мира, не являются объективными формами связи явлений в развитии природы и общества, а выступают как закономерный продукт саморазвития чистой мысли, абсолютной идеи.

Наиболее полное обоснование и дальнейшее развитие вопроса о состоянии необходимости и случайности мы встречаем в замечательной работе Плеханова «К вопросу о роли личности в истории». В этой работе он рассматривает роль личности в историческом процессе в неразрывной связи с проблемой закономерности и случайности. По мысли Плеханова, фаталистическую концепцию истории общества можно преодолеть только тогда, когда не игнорируется элемент случайности во всех общественных процессах.

Плеханов развивает ту мысль, что судьбы общества в известной мере зависят от деятельности личностей, в этом смысле можно говорить о влиянии личности на процесс общественного развития. Но в свою очередь влияние личности и определяется социальной организацией данного общества, исторической закономерностью. Обусловленная социальной организацией общества возможность влияния личностей, говорит Плеханов, открывает дверь влиянию случайностей на исторические судьбы народов. В этой связи Плеханов приводит целый ряд примеров. Он говорит, что сластолюбие французского короля Людовика XV было необходимым следствием состояния его организма в целом. Но по отношению к общему объективному ходу развития Франции это состояние было случайным.

В 1492 году, в период первой экспедиции, Христофор Колумб плыл в Восточную Индию, но открыл материк Южной Америки. Открытие Колумбом материка Южной Америки было случайно, но его поездка была вызвана отнюдь не случайностью, а поисками морского пути в Индию. Случайный приезд Колумба в Америку оказал определенное влияние на последующую судьбу этой страны: европейцы вскоре стали определяющим началом всей жизни американского материка, туземцы были оттеснены и частично перебиты.

«Случайность, — пишет Плеханов, — есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов. Появление европейцев в Америке было для жителей Мексики и Перу случайностью в том смысле, что не вытекало из общественного развития этих стран. Но не случайностью была страсть к мореплаванию, овладевшая западными европейцами в конце средних веков; не случайностью было то обстоятельство, что сила европейцев

легко преодолела сопротивление туземцев. Не случайны были и последствия завоевания Мексики и Перу европейцами...»¹⁾

Плеханов в вышеназванной работе убедительно показывает, что личные особенности тех или иных руководящих людей определяют собой индивидуальную физиономию исторических событий, и элемент случайности, в указанном смысле, всегда играет некоторую роль в ходе этих событий, направление которых определяется в последнем счете развитием производительных сил и взаимными отношениями людей в общественно-экономическом процессе производства.

Таким образом, из приведенных высказываний Плеханова видно, что он решал проблему необходимости и случайности применительно к вопросу о роли личности в истории, на базе марксистского учения о закономерностях общественного развития.

Из этих высказываний вместе с тем видно, что Плеханов дает определение случайности как точки пересечения необходимых процессов. На наш взгляд, нельзя сказать, что это определение случайности точно и исчерпывающе разрешает вопрос. Создается впечатление, что те отдельные процессы, которые перекрещиваются в какой-то «точке», сами по себе, в отдельности взятые, не содержат никакой случайности. Однако не это важно, важно другое. Плеханов в своей работе «О роли личности в истории» вполне правильно понял, что нельзя трактовать категорию необходимости вне связи с категорией случайности. Между ними нет пропасти, как думали метафизики-детерминисты. Вот почему Плеханов в этой работе снова возвращается к обстоятельной критике метафизического и субъективно-идеалистического понимания проблемы необходимости и случайности.

Неоднократно в этой критике он то приводит новые, то повторяет прежние аргументы в защиту диалектико-материалистического решения вопроса, взаимоотношения необходимости и случайности. В полном согласии с Энгельсом, Плеханов считает философские категории необходимости и случайности по своему источнику, содержанию объективными. Вслед за Энгельсом он понимает случайность, как форму проявления необходимости. Это значит, что любое случайное явление, скажем наводнение, имеет определенную причину, возникло на основе действия закономерностей природы. Но то, что в результате наводнения разрушен, смыт данный населенный пункт, погибли такие-то люди, конечно, случайно. Здесь необходимость проявилась в случайности, а случайность выступила как форма проявления необходимости. Случайность необходима, говорит Плеханов, потому что она имеет и не может не иметь своих причин, оснований, ибо она возникла в силу определенных закономерностей.

¹⁾ Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 294.

Выше мы уже говорили, что Плеханов правильно считал падение феодальных порядков во Франции конца XVIII века необходимым закономерным процессом. Но то, что ломка этих порядков началась со штурма Бастилии и именно 14 июля 1789 года, — это случайность. Однако данная случайность, по Плеханову, явилась формой проявления исторической необходимости.

Марксистское решение проблемы необходимости и случайности Плеханов отстаивает и развивает также в своей борьбе против ревизиониста Эдуарда Бернштейна и его последователей. Вскоре после смерти Энгельса Бернштейн открыто выступил с ревизией марксизма в работе «Проблемы социализма» (1897), а затем в своей книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899—1902). Бернштейн ополчился против основных принципов марксизма, требуя отказа от революционной борьбы рабочего класса, от диктатуры пролетариата.

Провозглашенный Бернштейном лозунг «конечная цель — ничто, движение — все» подменял революционную борьбу за социализм реформистским крохоборничеством в рамках капитализма.

Бернштейн и его подручные безуспешно силились эклектически сочетать марксизм с буржуазной идеологией, диалектический материализм с идеализмом Канта и т. д. «Из теории Маркса, — пишет Плеханов, — выбрасываются одно за другим все те положения, которые могут служить пролетариату духовным оружием в его революционной борьбе с буржуазией. Диалектика, материализм, учение об общественных противоречиях, как о стимуле общественного прогресса; теория стоимости вообще и теория прибавочной стоимости — в частности, социальная революция, диктатура пролетариата, — все эти необходимые составные части марксова научного социализма, без которых оно утрачивает все свое существенное содержание, объявляются второстепенными частностями, не соответствующими нынешнему состоянию науки, тенденциозными, утопичными... Из Маркса революционера «Критика» ухитряется сделать Маркса почти консерватором»¹⁾.

Выступая в роли «критиков» Маркса, сознательно извращая научный социализм, Бернштейн и К⁰ вместе с тем пытались ревизовать диалектико-материалистические позиции Энгельса в вопросе о необходимости и случайности.

Крупная заслуга Плеханова, на наш взгляд, состоит в том, что он уже в 1898 году первый среди марксистов указал на реакционный, оппортунистический смысл выступлений Бернштейна против революционного духа марксизма. Он объявил Бернштейна и его последователей врагами марксизма и пред-

¹⁾ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 274.

ложил исключить Бернштейна из партии, взяв на себя задачу разгрома его ревизионистских домыслов, в том числе и по вопросу о необходимости и случайности. Дело в том, что Энгельс, в свое время положительно оценивая значение великих социалистов-утопистов, вместе с тем подверг их глубоко научной критике за то, что они отводили широкое место роли чистой случайности как в историческом процессе, а также в осуществлении своих утопических планов. Ошибка социалистов-утопистов состояла, по Энгельсу, в том, что они предполагали возможным переход к социализму вне зависимости от пространства и времени, т. е. вне зависимости от конкретно-исторических условий общественного развития. Переход к социализму для них является чистой случайностью в том смысле, что они не связывали его с действительными законами общественного развития, в частности, с законами развития капитализма.

Бернштейн категорически возражал против такой совершенно справедливой критики социалистов-утопистов со стороны Энгельса. Плеханов в своем предисловии к переводу работы Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» вскрыл всю теоретическую несостоятельность возражений Бернштейна и показал, что если бы он дал себе труд поглубже вдуматься в основные исторические взгляды социалистов-утопистов, то и сам увидел бы, что Энгельс прав.

В противовес Бернштейну, утверждавшему, что социалисты-утописты якобы никогда не уповали на «чистую случайность», Плеханов развивает ту мысль, что вера во всемогущество случайности, особенно ярко выраженная в учении Фурье, характерна для утопического социализма в целом.

В указанном выше «Предисловии» Плеханов пишет: «Фурье был твердо убежден в том, что ему удалось открыть законы нравственного тяготения, но он никогда не умел взглянуть на свою теорию, как на плод общественного развития Франции. Он сам не раз с удивлением спрашивал себя, почему люди не пришли несколькими столетиями или даже тысячами раньше к тем открытиям, которые ему удалось, наконец, сделать. И он мог себе ответить только ссылкой на ослепление людей да на силу случайности. По этому поводу он даже написал очень характерное рассуждение о «тирании случая», где он доказывает, что «эта колоссальная и презренная сила почти всецело обуславливает собой все открытия»¹⁾.

Плеханов в полемике с Бернштейном развивает марксистское понимание вопроса о соотношении необходимости и случайности с точки зрения коренного различия между научным социализмом и социализмом утопическим. Он подчеркивает, что согласно основному положению материалистического понимания истории сознание людей определяется их бытием. Или

¹⁾ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 76.

другими словами: в процессе исторического движения ход развития идей не случайно, а в силу исторической необходимости определяется в последнем счете ходом развития материальных экономических отношений. Точно так же, по мысли Плеханова, распространение и усвоение новых идей в процессе исторического развития происходит отнюдь не случайно, а вполне закономерно. Закономерно потому, что новые идеи соответствуют новым экономическим условиям и распространяются как раз в том классе, который больше всех других испытывает гнет со стороны старых общественных порядков.

Но Плеханов не останавливается на этом. Он идет дальше. За закономерным распространением и усвоением идей, соответствующих новым экономическим отношениям, должно, по его справедливой мысли, рано или поздно последовать их осуществление, т. е. устранение старого и торжество нового общественного порядка.

Если это так, заключает Плеханов, то «... весь ход процесса общественного развития, — вся общественная эволюция с ее различными сторонами и со свойственными ей революционными моментами, — представляется теперь под углом необходимости. И тут перед нами ярко выступает главная черта, отличающая научный социализм от утопического: последователь научного социализма смотрит на осуществление своего идеала как на дело исторической необходимости, между тем как утопист возлагал главные свои упования на случайность. Сообразно с этим изменяются и приемы социалистической пропаганды: утописты действовали на удачу, взывая сегодня к просвещенным монархам, завтра к предприимчивым и жадным до прибыли капиталистам, послезавтра к бескорыстным друзьям человечества и т. д. Сторонники научного социализма имеют стройную и последовательную программу, глубочайшую основу которой составляет материалистическое понимание истории»¹⁾.

Из приведенного высказывания Плеханова, относящегося к 1902 году, мы видим, что здесь он с марксистских позиций раскрывает коренное отличие научного социализма от утопического в аспекте интересующего нас вопроса.

Итак, все вышеизложенное в настоящей статье дает нам основание сделать некоторые выводы.

Прежде всего мы должны подчеркнуть, что Плеханов в своих произведениях, написанных в период с 1883 по 1903 г., решал проблему необходимости и случайности, в целом, с диалектико-материалистических позиций. Такое решение проблемы служило Плеханову одним из опорных пунктов в ожесточенной борьбе против многочисленных как отечественных, так и иноземных «критиков» марксизма.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 86—87.

Под необходимостью Плеханов понимал то, что выражает коренную, прочную, существенную внутреннюю связь вещей, предметов и явлений материального мира, что с неизбежностью при данных условиях и в данной цепи событий обязательно должно произойти, должно быть. Он строго признавал объективность необходимости, т. е. существование необходимости во внешнем мире независимо от сознания людей.

Случайность в природе и обществе также существует объективно, но она выражает те внешние, нетипичные, преходящие черты, присущие отдельным явлениям, которые не вытекают в данных условиях и в данной связи событий из природы самой закономерности. Поэтому случайность может быть, но может и не быть, может произойти так, но может произойти и в другой форме, в другом проявлении, иначе.

Плеханов вслед за Энгельсом считал, что задача науки состоит в том, чтобы уметь различать устойчивые, существенные связи от быстро преходящих, несущественных связей, видеть за второстепенными, неустойчивыми, случайными, внешними связями устойчивые, необходимые связи. Энгельс в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы. Для этого наука должна проникнуть в глубинные процессы, в сущность явлений самой действительности. Плеханов не раз говорил, что основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс распространили созданный ими диалектический материализм на познание общественной жизни и благодаря этому открыли объективные законы развития человеческой истории. Они раскрыли сущность общественной необходимости и коренные причины, определяющие характер общественных идей и соответствующих им учреждений. Маркс и Энгельс усмотрели эту сущность в способе производства материальных благ.

Но признание марксизмом диалектико-исторической необходимости, подчеркивал Плеханов, вовсе не означает, что он отрицает роль и значение случайности в истории. Марксистская философия признает известное влияние случайностей на ход общественного развития в целом, на движение тех или иных событий в особенности. Плеханов не раз обращался к известному положению Маркса о том, что история имела бы очень мистический характер, если бы случайности не играли никакой роли.

В полном согласии с К. Марксом и Ф. Энгельсом Плеханов утверждал, что в жизни, в объективной действительности закономерность и случайность противоположны, но это вовсе не означает, что между ними нет ничего общего, как утверждают метафизики. Закономерность и случайность, как противоположности, самым теснейшим образом связаны между собой.

Случайность везде и всюду выступает, как форма проявления необходимости, а необходимость, закономерность прокладывает себе дорогу сквозь множество случайностей.

Диалектика необходимости и случайности в природе и обществе проявляется не только в том, что случайность есть форма проявления необходимости, дополнение к необходимости, но еще и в том, что при определенных условиях случайность может превратиться в необходимость и наоборот. Необходимость и случайность не есть застывшие, неизменные, раз навсегда данные связи. Эти философские категории, являющиеся отражением объективных форм связи внешнего мира, находятся в движении, изменении, развитии и поэтому могут переходить друг в друга.

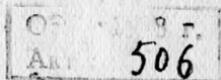
Марксистское понимание Плехановым соотношения необходимости и случайности имеет не только теоретическое, но и практическое значение для наших дней. Это понимание ничего общего не имеет ни с субъективно-идеалистическим взглядом на развитие общественной жизни, согласно которому история есть царство произвола «критически мыслящей личности», царство случайностей, ни с фаталистическим, согласно которому в истории все события предопределены от века, а гениальные личности — лишь слепая игрушка в руках неумолимых законов истории. Буржуазная социология и историография никогда не доходили до понимания общественного развития как закономерного процесса. Антинаучными, глубоко реакционными являются безуспешные попытки философов современной империалистической буржуазии свести необходимость, закономерность к голой беспричинной случайности.

Так, например, существование мира, жизни общества и отдельного человека для представителей одного из модных ныне буржуазных философских течений, экзистенциализма, лишены смысла и цели, абсурдны и представляют собой сплошной хаос случайностей. Классовая задача подобного рода «науки» состоит в том, чтобы подорвать у трудящихся веру в свои силы, объявить как «обреченные на провал» все действия людей труда в борьбе за победу нового строя над старым, коммунизма над капитализмом.

Советский народ, являющийся законным преемником всей передовой культуры прошлого, высоко ценит Плеханова-марксиста. Изучение его лучших марксистских произведений помогает нашим кадрам полнее и глубже овладеть марксистско-ленинской теорией, в том числе категориями материалистической диалектики, имеющими огромное значение в познании объективной закономерности в интересах победы коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. С. Куликов. Борьба В. И. Ленина за диалектический материализм против либерального народничества	3
Ф. Т. Зиннуров. Развитие В. И. Лениным вопроса о соотношении стихийного и сознательного в период революции 1905—1907 годов	34
И. И. Зорин. Проблема необходимости и случайности в понимании Г. В. Плеханова (1883—1903 гг.)	56
С. М. Дроздов. Из истории борьбы КПСС за всеобщую грамотность	74
И. И. Першин. Деятельность газеты «Правда» по укреплению новых производственных форм смычки между рабочим классом и крестьянством накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства	117
Ж. П. Проскурин. Деятельность Сталинградской партийной организации в период Сталинградской битвы	157
А. Н. Климов. Перестройка народного хозяйства Сталинграда и области на военный лад в начале Великой Отечественной войны	204
С. П. Люшин. История черкасовского движения и его значение в восстановлении Сталинграда	227
М. А. Букин. Организация комплексных бригад на строительстве Сталинградской ГЭС и их роль в повышении производительности труда	252
В. А. Козюченко. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение Германии в конце 1917 и начале 1918 годов	285
П. А. Бутылкин. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции в оценке американской печати	331
Ф. Т. Зиннуров. В. В. Стасов — борец за реализм и народность искусства	347

лех - 9906